

— Но я же всё видел, — сказал Лу Цинцзюэ.

— Ты... — не ожидая от Лу Цинцзюэ такой твердости, Цзян Юй размял запястье и произнес: — Сраны. Ебучий. маменькин сынок, нарываешься на тумаки.

Лу Цинцзюэ приоткрыл рот, но слова еще не успели сорваться с губ, как раздался холодный, свежий, словно мята, голос:

— Вы что тут делаете?

Точно такие же слова, как те, что только что произнес Лу Цинцзюэ.

— Цзян Юй, в класс.

Цзян Юй стоял против света, и окутывавшее его туманное сияние вовсе не добавляло ему ни капли мягкости.

Цзян Юй был влюблен в Цзин И — об этом знала вся школа.

Цзин И был высок, с длинными ногами, бледной кожей и утонченными чертами лица — как раз в вкусе Цзян Юя. К сожалению, председатель Цзин был холоден как глыба льда, причем из тех, что не растопить.

— Председатель Цзин, а как же он? — Цзян Юй мгновенно растерял весь свой заносчивый вид и жалобно, с обиженным выражением уставился на Цзин И.

Линь Тянь и остальные уже давно привыкли к такому Цзян Юю. Не вынеся зрелища, они один за другим отвели глаза.

Цзин И:

— Цзян Юй, в класс.

— Председатель Цзин, братец Цзин...

Цзин И холодно глянул на Цзян Юя, и тот немедленно замолк, уведя за собой Линь Тяня и остальных.

Когда Цзян Юй ушел, Цзин И и Лу Цинцзюэ обменялись взглядами и тоже разошлись, оставив Ся Жуаня одного. Ся Жуань медленно поднял голову, его лицо было залито слезами.

Посмотрев на то место, где только что стоял Лу Цинцзюэ, он привел в порядок одежду и вернулся в класс.

Никто не услышал его тихого, охрипшего «спасибо».

Ты написал?

Как раз наступил перерыв на обед, на спортивной площадке не было видно ни души. На крыше спортплощадки Цзин И достал сигарету, сам закурил и протянул еще одну Лу Цинцзюэ.

— Я не курю, — ответил Лу Цинцзюэ.

Цзин И спрятал сигарету обратно в пачку.

— Как ты сюда попал? Лу Ди разрешил?

Лу Ди был приемным отцом Лу Цинцзюэ, а заодно и безумцем, испытывавшим к Лу Цинцзюэ ненормальную, всепоглощающую одержимость. Он не позволял Лу Цинцзюэ выходить хоть в чем-то за рамки того, что находилось под его жестким контролем.

— Он тоже пришел, — взгляд Лу Цинцзюэ потемнел, став глубоким, как омут на дне болота. Разве Лу Ди мог отпустить его? При мысли о Лу Ди его лицо похолодело еще сильнее, и ему не хотелось больше говорить с Цзин И. Он повернул голову к Цзин И: — А ты? Он все еще не хочет оставить тебя в покое?

Цзин И зажал между пальцами сигарету, стряхивая пел. Услышав это, он замер на мгновение, опустил взгляд и тихо произнес:

— Он в этой жизни меня не отпустит.

Вернувшись в класс, Ся Жуань достал бланк и продолжил решать задачи. Поднял он голову только тогда, когда вернулся Лу Цинцзюэ, и тут же встретился с ним взглядом.

На лице парня не было ни единой эмоции, но Ся Жуаню почему-то показалось, что тот не в духе.

У него не хватило смелости спросить, что случилось, поэтому оставалось лишь снова опустить голову и продолжить решать примеры.

На первом уроке второй половины дня многие еще не отошли от сна: сидели, свесив головы, некоторые из них через силу «кивали», а иные попросту уткнулись носом в парты и спали. Учитель, видимо, привык к подобному зрелищу или ему просто не хотелось возиться, так что он ничего не сказал и продолжал монотонно объяснять материал.

Вся вторая половина дня прошла под стрекот цикад и убаюкивающий голос учителя, читающего лекцию. На последней перемене Ся Жуань, как обычно, поднялся с места самым последним.

Он оторвал листок из блокнота, немного помедлил, вывел на нем несколько слов и положил на парту Лу Цинцзюэ. Подумав, он решил, что оставлять записку просто на столе не слишком хорошо, и вложил бумажку в раскрытый на столе учебник китайского языка так, чтобы торчал лишь крошечный уголок. Прodelав все это с видом воришки, Ся Жуань почувствовал огромное облегчение.

Вернувшись после ужина в класс, Лу Цинцзюэ уже сидел на своем месте.

Он увидел!

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как сердце Ся Жуаня забилося с неуправляемой частотой, норовя выпрыгнуть из груди хозяина. Он даже не смел взглянуть на Лу Цинцзюэ, опустив голову и быстрым шагом направляясь к своей парте.

Небо снаружи уже потемнело, в ночном воздухе висел серп луны, роняя на землю слабый свет. Лампы дневного света в классе издавали едва слышное жужжание — стояла тишина, от

которой почему-то становилось тревожно.

На Ся Жуаня упала тень. Чуть приподняв взгляд, он увидел изящную, бледную руку с четко очерченными суставами.

Эта рука легко постучала по его парте, и каждый удар отозвался тяжелым молотом в его сердце.

Ся Жуань поднял голову.

Лу Цинцзюэ вытащил листок бумаги:

— Ты написал?

Он и правда заметил!

Уши Ся Жуаня вспыхнули. Низкий и чистый голос парня звучал словно распускающийся под покровом ночи мак. Долгое время Ся Жуань не мог вымолвить ни слова, лишь слегка кивнул:

— Мм.

Лу Цинцзюэ ничего не ответил, опустив взгляд на элегантные три иероглифа, выведенные на бумаге.

Спасибо тебе.

Тонкие, густые ресницы Ся Жуаня тревожно дрожали, фарфорово-белое лицо пылало алым. Прошло немало времени, но ответа от Лу Цинцзюэ так и не последовало. В замешательстве он поднял голову: пока он отвлекся, тень над его макушкой уже незаметно исчезла, оставив его наедине с собственным испуганным, заходящимся в бешеном ритме сердцем.

Ся Жуань разочарованно опустил голову, не понимая, на что он вообще надеялся.

Неужели ему хотелось услышать в ответ «не за что»?

Ся Жуань глубоко вздохнул, утешая себя тем, что записку по крайней мере приняли, а не скомкали и не выбросили в урну — его участь оказалась куда лучше, чем у Лю Мэнхань.

Зачем ты потрепал меня по голове?

Вечером после вечерней самоподготовки Ся Жуань просидел в классе до самого гашения света и только тогда пошел в общежитие. После всех умываний было уже почти одиннадцать часов. Они жили вчетвером: двое младшекурсников из первого класса старшей школы, еще один парень из другого класса, с которым за весь год едва ли удавалось перекинуться хоть парочкой фраз — из тех, кого совсем не замечаешь, — так что возвращение поздно никому не казалось странным.

Обычно из-за того, что днем он не отдыхал и все время посвящал учебе, стоило ему только коснуться подушки, как он тут же засыпал, но сегодня он на удивление страдал бессонницей.

Он думал о Лу Цинцзюэ.

Судя по тому, как сегодня Лу Цинцзюэ выбросил чай с молоком, купленный Лю Мэнхань, он производил впечатление человека, с которым тяжело сойтись. И вот этот нелюдимый, едва ли не холодный человек сегодня сунул нос не в свое дело и спас его.

Как странно.

Наверное, из-за того, что вечером он выпил слишком много воды, а думая о Лу Цинцзюэ, незаметно для себя погрузился в раздумья, Ся Жуань окинул взглядом трех других соседей по комнате, которые не подавали признаков жизни, и осторожно спустился с кровати.

В коридоре было тихо, горел тусклый желтый свет, а из крошечных окошек в дверях некоторых комнат пробивалось слабое сияние.

<http://bllate.org/book/26607/3186167>